
Развод:
ТЫ СВОЮ ЖИЗНЬ УЖЕ ПРОЖИЛА
Ксения Соболева

Ксения Соболева

Развод: Ты свою жизнь уже прожила!

https://litres.ru/74713648

Аннотация

— Ты свою жизнь уже прожила, Надя. Теперь освободи квартиру для моей новой семьи, — заявил муж после тридцати двух лет брака. А потом добавил, что я ещё и должна помогать с ребёнком его беременной любовницы. Ведь в пятьдесят четыре года у меня, по его мнению, больше нет своей жизни.

Дочь знала об измене и молчала. Свекровь уже приготовила мне комнату, а муж начал складывать мои вещи в чёрные мешки. Пока я мечтала о долгожданном отпуске, самые близкие люди успели решить, где мне жить, за кем ухаживать и сколько денег мне будет достаточно.

Олег уверен, что я поплачу и соглашусь. Что в моём возрасте никому не нужна и всё равно останусь рядом, чтобы обслуживать его новую семью.

Но он ещё не знает, что однажды сам придёт ко мне с чемоданом и будет умолять пустить его обратно. И тогда ему придётся услышать слово, которого за тридцать два года нашего брака он почти не слышал от меня...

Содержание

Глава 1. Ты свою жизнь уже прожила 4
Глава 2. Ты знала и молчала 26
Глава 3. Мои вещи в мешках 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Глава 1. Ты свою жизнь уже прожила

Глава 1. Ты свою жизнь уже прожила

Я застегнула последнюю пуговицу на платье и повернулась к зеркалу боком, придерживая волосы над шеей. Синий пояс немного перекрутился, и я расправила его, стараясь не втягивать живот слишком заметно. В магазине платье показалось нарядным, почти неприлично нарядным для обычной поездки с подругой, а дома понравилось ещё больше. Мягкая ткань доходила до середины икры, рукава прикрывали локти, и в нём хотелось выпрямиться, надеть серьги и куда-нибудь выйти. Я улыбнулась своему отражению, потом прислушалась к шагам в коридоре. Олег вернулся раньше обычного, и мне захотелось, чтобы он увидел меня до того, как я переоденусь.

Чемодан лежал раскрытым на кровати. В одной половине уже были уложены брюки, бельё и две кофточки, во второй оставалось место для платья и лёгких туфель. Тамара настойчиво советовала взять только удобную обувь, но я всё-таки собиралась хотя бы один вечер провести красиво. Мы выбрали небольшую гостиницу недалеко от Фонтанки, рас-

сматривали фотографии комнаты, спорили, хватит ли нам десяти дней, и обе понимали, что непременно устанем раньше, чем выполним всё задуманное. До отъезда оставалось три дня, а я временами ловила себя на желании проверить билеты ещё раз. Мне всё казалось, что я неправильно прочитала дату или случайно перепутала фамилию.

Олег появился в дверях спальни с телефоном в руке. Он остановился, окинул взглядом чемодан, затем посмотрел на меня, и я машинально поправила пояс. За последние месяцы муж редко замечал, во что я одета. Обычно его интересовало, готов ли ужин, успела ли я заехать к матери и где лежит рубашка, которую он собирался надеть утром. Сейчас мне было неловко от того, насколько сильно хотелось услышать от него что-нибудь приятное.

- Купила всё-таки? - спросил он, кивнув на платье. Телефон коротко завибрировал, и Олег опустил глаза к экрану, прежде чем я успела ответить. - Ты к маме сегодня загляни. Она просила купить хлеб, творог и яблоки, я записал, сейчас перешлю. Только яблоки возьми помягче, в прошлый раз она половину оставила.

Я некоторое время смотрела на его склонённую голову, потом потянулась к пуговицам на груди. Час назад я договорилась с Тамарой зайти в маленький магазин возле её дома и

выбрать дорожную сумку для мелочей. Мы собирались после этого посидеть в кафе, окончательно решить, что берём с собой, и просто поговорить. Накануне тоже не получилось: Олег обещал Юле провести вечер с Машенькой, а потом позвонил мне и сообщил, что задерживается. Я забрала внучку из сада, накормила, вымыла ей голову и просидела с ней до половины десятого, пока дочь с мужем не вернулись.

- Я сегодня с Тамарой договорилась, - сказала я, расстёгивая манжету. Пуговица выскользнула из пальцев, и я раздражённо дёрнула рукав. - Вчера ты тоже обещал сам побыть с Машей. Я весь вечер собиралась разобрать вещи, а в итоге снова отложила. Ты можешь один раз заехать в магазин по дороге?

Олег поднял на меня глаза. В пятьдесят восемь он по-прежнему держался прямо, следил за стрижкой и умел одним выражением лица показать, что собеседник отвлекает его от чего-то существенного. Когда-то мне нравилась эта его собранность. Я смотрела на мужа в мастерской, видела, как к нему прислушиваются мужчины, и гордилась, что дома он становится мягче, позволяет мне поправлять ему воротник и жалуется на усталость. Теперь привычный взгляд всё чаще доставался и мне.

- У меня ещё встреча, Надь. Ты же рядом, тебе туда пят-

надцать минут, - ответил он и убрал телефон в карман. По голосу я поняла, что продолжать спор ему не хочется. - К семи я её привезу к нам, Юля тоже подъедет. Надо кое-что обсудить всей семьёй. Ты посиди с мамой немного, потом домой иди, я сам её заберу.

Я замерла с расстёгнутой манжетой. Олег редко собирал нас для каких-то разговоров: обычно ставил перед свершившимся фактом по отдельности и считал вопрос решённым. Я спросила, что случилось, но он только поморщился и ответил, что вечером всё объяснит. Потом поинтересовался, осталось ли что-нибудь на ужин, и ушёл в кухню. Я сняла платье, осторожно повесила его на спинку стула и написала Тамаре, что сегодня опять не получится.

У свекрови пахло свежим чаем и лавровым листом. Антонина Павловна сама открыла дверь, забрала из моих рук лёгкий пакет с хлебом и пошла на кухню, придерживаясь пальцами за косяк. После операции она долго передвигалась с трудом, но теперь вполне справлялась с обычными домашними делами, могла приготовить себе завтрак и разогреть обед. Я продолжала ходить к ней почти ежедневно: приносила продукты, убирала, сопровождала к врачам, иногда просто сидела рядом, потому что одной ей было скучно. Когда у неё впервые получилось самостоятельно дойти до магазина возле дома, я радовалась вместе с ней. Мне тогда показалось,

что скоро и у меня появится больше свободного времени.

Пока я раскладывала покупки, свекровь спросила, всё ли у меня собрано. Я рассказала о платье, о гостинице, о том, как Тамара составила список мест, которые нам обязательно надо увидеть. Антонина Павловна слушала, помешивая чай, и несколько раз хотела что-то сказать, но только поджимала губы. Я решила, что она переживает из-за моего отъезда, и напомнила: Олег обещал приезжать, а необходимые продукты я куплю заранее. Он сам согласился на это ещё в марте, когда мы с Тамарой только выбирали даты.

- Ты особенно много не готовь, - сказала свекровь, отодвигая блюдце. Она поправила рукав кофты и посмотрела в сторону окна. - Устала уже, всё бегаешь. И вечером к столу ничего такого не выдумывай, у тебя вчерашний суп, наверное, остался. Мы ведь свои, нам разносолов не нужно.

Я поблагодарила её за заботу и ушла с неожиданным облегчением. Мне захотелось верить, что после поездки всё постепенно устроится: свекровь уже гораздо крепче, внучка подросла, можно искать работу и хотя бы несколько вечеров в неделю оставлять себе. В мастерских я когда-то справлялась с заказами, сотрудниками и бесконечными звонками. Последние два года там обходились без моего постоянного присутствия, но я всё ещё умела работать и чувствовала себя

вполне способной начать где-нибудь заново. По дороге домой я даже достала телефон, чтобы отметить адрес центра неподалёку от остановки, где на двери висело объявление о вакансии администратора.

Дома я успела переодеться в обычную блузку, нарезать хлеб и разогреть суп. Платье так и осталось на спинке стула возле открытого чемодана. На кухне было душно от плиты, и я приоткрыла окно, впуская запах нагретой за день листвы. Внизу кто-то звал ребёнка с площадки, хлопала подъездная дверь, по подоконнику ходил голубь. Я расставляла чашки и думала, что вечером всё-таки надо примерить платье с серёжками. Можно будет отправить Тамаре фотографию, раз встретиться снова не получилось.

Юля пришла первой, без Машеньки. Я по привычке выглянула ей за плечо и спросила о внучке, но дочь ответила, что та осталась с отцом, после чего быстро сняла туфли и прошла в гостиную. Она не предложила помочь, не заглянула в чемодан, хотя ещё несколько дней назад обещала проверить, достаточно ли я взяла тёплых вещей. Юля села на край дивана и начала теребить ремешок сумки. Я заметила, что она бледная, и сразу подумала о какой-нибудь неприятности у них дома.

- У вас всё нормально? - спросила я, остановившись перед

дочерью. Она подняла голову, но посмотрела куда-то мне на плечо, и от этого я встревожилась сильнее. - Юль, с Машей ничего не случилось? Ты какая-то совсем другая. Если что-то произошло, скажи сейчас, я же всё равно буду переживать.

- С Машей всё хорошо, мам, - ответила дочь, крепче сжав ремешок. Потом она провела ладонью по колену и всё-таки встретилась со мной взглядом. - Папа сейчас приедет. Давай его дождёмся, ладно? Он попросил нас сначала вместе поговорить.

Я хотела спросить, о чём именно, но в прихожей повернулся ключ. Олег вошёл следом за матерью, помог ей снять лёгкий плащ и повесил его на вешалку. Он был непривычно внимателен, даже наклонился поправить подвернувшийся край её брюк, а затем спросил, удобно ли ей будет сидеть на обычном стуле. Антонина Павловна ответила, что вполне, и прошла к столу. Я смотрела на них и чувствовала, как тревога постепенно вытесняет всё, о чём я думала ещё несколько минут назад.

От супа отказались все трое. Олег налил себе воды, Юля положила телефон экраном вниз, свекровь разгладила салфетку возле своей чашки. Я осталась стоять у стола с хлебницей в руках, пока муж не попросил меня сесть. В его го-

лосе прозвучала такая старательная мягкость, что у меня похолодела спина. Я поставила хлебницу и опустилась на стул, продолжая смотреть на Олега.

- Надя, нам нужно спокойно обсудить, как дальше жить, - начал он. Муж обхватил стакан ладонью, повертел его на столе и наконец поднял глаза. - У меня есть другая женщина. Это серьёзно, поэтому я не хочу больше тянуть и обманывать тебя. Мы с ней решили быть вместе.

Я слышала каждое слово, но некоторое время продолжала ждать, что он добавит что-нибудь ещё. Что я неверно поняла начало, что речь идёт о чужой истории, что сейчас Олег рассердится на моё выражение лица и объяснит всё привычным раздражённым голосом. Он сидел напротив в рубашке, которую я гладила позавчера, и возле запястья у него была маленькая белая нитка. Мне зачем-то захотелось её убрать. Я даже шевельнула рукой, прежде чем поняла, что собираюсь сделать.

- Какая женщина? - спросила я, и собственный голос показался мне слишком тихим. Олег отвёл глаза к стакану, а я подалась вперёд, стараясь поймать его взгляд. - Ты сейчас о чём говоришь? У нас что-то случилось, а я не знаю? Ты домой каждый день приходишь, мы с тобой за этим столом ужинаем. Когда ты успел решить, как нам дальше жить?

Олег выдохнул и потёр большим пальцем край стакана. На мгновение мне показалось, что ему стыдно, и я вцепилась в эту мысль с такой силой, будто от неё что-то зависело. Хотелось, чтобы он сказал, что ошибся, запутался, испугался старости, сделал глупость. Я была готова слушать тяжёлые, обидные объяснения, только бы они не заканчивались тем, что он уже всё решил. Но муж расправил плечи, и знакомое деловое выражение снова вернулось на его лицо.

- Её зовут Кристина, - произнёс он. Потом сделал паузу, словно выбирал, какую из приготовленных новостей сообщить следующей. - Она ждёт ребёнка, срок в начале октября. Надя, я понимаю, что тебе неприятно, но ситуация уже такая, какая есть. Мне нужно отвечать за неё и за малыша.

Я повернулась к Юле раньше, чем успела что-нибудь сказать. Мне хотелось увидеть на её лице хотя бы часть того ужаса, который сейчас поднимался во мне, услышать возмущение, вопрос, любое живое участие. Дочь сидела, опустив глаза, и медленно тёрла пальцем пряжку на сумке. Антонина Павловна придвинула к себе чашку, хотя чай я ещё не налила. Никто не переспросил, правильно ли услышал Олега.

- Вы знали? - спросила я, глядя на дочь. Юля вскинула голову, губы у неё дрогнули, и мне стало страшно ещё до отве-

та. - Ты знала, что у отца другая женщина? Поэтому ты мне сейчас в глаза не смотришь? Юля, скажи хоть что-нибудь.

- Мам, пожалуйста, давай без крика, - ответила она, и я с изумлением поняла, что действительно повысила голос. Дочь протянула руку через стол, но остановилась, так и не дотронувшись до меня. - Папа хочет всё нормально объяснить. Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, просто нам надо сначала его выслушать.

Я отодвинулась от края стола. Юля продолжала смотреть на меня тем жалобным, осторожным взглядом, с которым в детстве признавалась в испорченной вещи и ждала, что я сначала рассержусь, а потом всё равно обниму. Только сейчас мне самой отчаянно требовалось, чтобы кто-нибудь подошёл и обнял меня. Я хотела позвать дочь по имени, попросить её пересесть ко мне, но горло свело, и слова не вышли. Олег воспользовался паузой и снова заговорил.

- Я тебя на улицу не выгоняю, Надя. Давай сразу это проясним, - сказал он, положив ладонь на стол. Он смотрел на меня уже увереннее, словно перешёл к той части разговора, где чувствовал себя на знакомой территории. - У мамы хорошая двухкомнатная квартира. Вторая комната пустует, можно убрать оттуда старый диван, поставить твою кровать, перевезти вещи. Тебе будет удобно, и мама постоянно под

присмотром.

Я посмотрела на свекровь. Антонина Павловна сидела очень прямо и старательно расправляла край салфетки, словно именно сейчас ей потребовалось добиться безупречной ровности. Комнату, о которой говорил Олег, я знала до последней полки: сама протирала там пыль, меняла шторы, складывала чистое бельё. У стены стояли коробки с его старыми журналами, в шкафу висели зимние пальто, а возле окна сохранился письменный стол, за которым муж занимался ещё до нашей свадьбы. Я никогда не представляла себе, что мне предложат переселиться туда с чемоданом.

- А здесь кто будет жить? - спросила я, медленно обводя взглядом стол, шкаф у стены и открытую дверь в нашу спальню. Ответ уже был понятен, но я хотела, чтобы Олег произнёс его целиком. - Ты с ней? В нашей квартире? Ты сейчас при дочери предлагаешь мне собрать вещи и освободить тебе место?

- Здесь больше пространства, рядом парк, поликлиника, - ответил муж, явно раздражённый моей формулировкой. Он указал рукой в сторону коридора, будто я сама не знала расположения комнат. - Юлина бывшая комната подойдёт для детской. Маме большой переезд ни к чему, а тебе одной зачем столько помещений? Мы же можем договориться разум-

но, без этих обвинений.

Я вспомнила, как мы выбирали эту квартиру, как Олег ходил по пустым комнатам и прикидывал, где поставит шкаф, а маленькая Юля бегала из кухни в спальню, радуясь, что у неё будет собственное окно. Первые месяцы мы ели за складным столиком, потому что на нормальную мебель денег ещё не хватало. Я шила шторы по вечерам, а Олег придерживал карниз, пока я отмечала карандашом места для креплений. Сейчас он сидел напротив и объяснял, почему всё это гораздо лучше подойдёт другой женщине. Мне захотелось схватить его за руку и заставить посмотреть на меня как следует.

- Мне одной? - повторила я и почувствовала, как слёзы всё-таки выступили на глазах. От этого стало ещё обиднее, потому что Олег сразу нахмурился, будто я намеренно осложняла разговор. - Ты тридцать два года прожил со мной. Ты хоть понимаешь, что сейчас говоришь? Я тут живу, Олег. Я сюда каждый вечер возвращаюсь, я в этой спальне с тобой сплю. Ты когда успел решить, что мне всё это больше не нужно?

- Наденька, у меня тебе плохо не будет, - вмешалась Антонина Павловна. Свекровь наклонилась вперёд и положила ладонь поверх салфетки, приготовившись меня успокаивать. - Мы с тобой давно привыкли друг к другу, хозяйство зна-

ешь, всё рядом. Вещи расставим, как тебе удобно. Ты сейчас переживаешь, это понятно, но одной оставаться в таком состоянии тоже тяжело.

Я повернулась к ней и некоторое время просто смотрела. Утром эта женщина слушала мой рассказ о платье и гостинице, позволяла обещать ей продукты на десять дней и просила особенно не уставать. Она уже знала, о каком переезде пойдёт речь вечером. Мне вспомнилось, как я помогала ей после больницы надевать чистую сорочку, как сидела рядом, когда она боялась уснуть, как звонила Олегу из аптеки и спрашивала, может ли он хоть раз приехать пораньше. Теперь свекровь предлагала мне утешиться тем, что я хорошо знакома с её хозяйством.

- Вы тоже решили, что так будет удобно? - спросила я, и голос снова начал повышаться. Антонина Павловна отняла руку от салфетки, а я уже не могла остановиться. - Вам удобно, ему удобно, ребёнку будет просторно. А меня кто-нибудь спросил? Я утром вам яблоки носила и рассказывала, как мы с Тамарой поедем. Вы сидели и слушали, зная, что он вечером скажет?

Свекровь прижала губы и посмотрела на сына. Олег с раздражением поставил стакан, от которого на скатерти осталось мокрое кольцо. Я машинально потянулась к салфетке и

остановила руку на полпути. От этого привычного движения меня обдало таким стыдом, что я спрятала ладони под стол. Муж заметил только, что я плачу, и протянул мне бумажную салфетку из стоявшей рядом коробки.

- Маму сюда не приплетай, - сказал он, подвинув коробку ближе. Потом откинулся на спинку стула и заговорил медленнее, будто объяснял что-то человеку, который плохо соображает. - Я всё обеспечу. На продукты, лекарства, одежду деньги будут, ты без необходимого не останешься. Ты сейчас всё воспринимаешь так, будто я тебя бросаю на произвол судьбы.

Я даже не сразу нашла, что ответить. Тридцать два года мы жили вместе, двадцать лет назад продали мою комнату, чтобы открыть первую мастерскую, потом годами работали рядом. Я помнила сотрудников по именам, знала, у кого заболела жена, кому нужно выдать деньги раньше, кого нельзя оставлять одного с рассерженным клиентом. Последние два года ушли на его мать и нашу внучку, и теперь муж обещал покупать мне необходимую одежду. Я вытерла мокрые щёки и вдруг поняла, что больше всего сейчас боюсь услышать от дочери согласие с ним.

- Мам, папа же не собирается тебя совсем оставлять, - осторожно произнесла Юля. Она взяла со стола ложку, по-

вертела в пальцах и тут же положила обратно. - Я тоже буду приезжать, Маша тебя любит. Ты у бабушки хотя бы одна не будешь. Давай сейчас не принимать всё настолько резко, пожалуйста.

Я посмотрела на неё и почувствовала, как во мне поднимается злость, сильнее прежнего испуга. Вчера я сушила Машеньке волосы, пока дочь проводила вечер с мужем. Позавчера забирала для Юли заказ, потому что ей было неудобно ехать после работы, а на прошлой неделе выслушивала её жалобы на усталость и обещала в выходные снова взять внучку. Мне нравилось помогать дочери, я любила маленькую тяжесть уснувшей Маши у себя на руках. Но сейчас Юля перечисляла их будущие приезды так, словно объясняла, чем будут заняты мои оставшиеся дни.

- Я не хочу, чтобы ты приезжала меня навещать в комнате у бабушки, - сказала я, с трудом выговаривая слова. Дочь вздрогнула, а я выпрямилась и наконец посмотрела на Олега. - У меня есть дом. У меня через три дня поездка, которую мы полгода обсуждали. Ты обещал побыть с матерью, пока меня не будет, помнишь? Сам сказал, что десять дней как-нибудь справишься.

Олег провёл ладонью по лицу. Несколько секунд он молчал, и у меня снова мелькнула жалкая надежда, что хотя бы

сейчас до него дошло, насколько жестоко всё выглядит. Я могла бы уехать, побыть с Тамарой, пройтись по чужому городу и перестать каждую минуту видеть перед собой этот стол. Мне отчаянно захотелось оказаться уже в поезде, чтобы вокруг были незнакомые люди и никто не просил принять удобное для него решение. Я повернулась к двери спальни, где на кровати лежал чемодан.

- Поездку сейчас придётся отменить, - сказал Олег, и я снова посмотрела на него. Он произнёс это буднично, даже слегка устало, словно мы обсуждали испортившуюся погоду. - Я не смогу разрываться между мамой, работой и Кристиной. Ей сейчас нужен покой, лишние переживания ни к чему. С Тамарой потом съездишь, когда всё устроится.

Я резко встала, задев коленом край стола. Стул скрипнул по полу, Юля испуганно отдёрнула руку, а свекровь охнула и приложила ладонь к груди. У меня горело лицо, под блузкой стало жарко, и хотелось расстегнуть ворот, чтобы легче дышать. Я смотрела на мужа и никак не могла совместить его знакомые черты с тем, что он говорил. Ещё утром я ждала, что он посмотрит на моё платье и улыбнётся.

- А мне что нужно, ты подумал? - спросила я уже почти криком. Олег дёрнулся было подняться, но остался сидеть, нахмурившись ещё сильнее. - Мне пятьдесят четыре года, я

живая, я тоже устаю, мне тоже хочется куда-то поехать, красиво одеться, просто погулять с подругой! Я хочу работать, хочу из дома выходить по своим делам. Ты решил уйти к другой, а я теперь должна ещё удобнее устроить вам жизнь?

- Сядь, Надя, не надо так орать, - ответил он, кивнув на мой стул. Я продолжала стоять, и тогда Олег посмотрел прямо на меня, уже не пытаясь смягчить голос. - Ты свою жизнь уже прожила. У тебя всё было: муж, семья, ребёнок. Теперь дай другим пожить.

Я упёрлась пальцами в край стола. Под ногтем больно вдавилась крошка, оставшаяся от нарезанного хлеба, но я даже не отняла руку. Олег видел мои слёзы, видел, что мне трудно дышать, и всё равно ждал, когда я сяду и позволю ему закончить разговор. Я вспомнила его руки на своей спине в роддоме, огромный букет, который он принёс на выписку, его растерянную радость перед маленькой Юлей. Мне вдруг стало мучительно важно понять, в какой момент этот человек начал считать, что всё, чего я могла хотеть, уже осталось позади.

- А ты сколько прожил? - спросила я, не отрывая от него глаз. Слёзы текли по лицу, и я чувствовала их на губах, когда говорила. - Тебе пятьдесят восемь, Олег. Ты старше меня на четыре года. Почему тебе можно новую семью, ребён-

ка, другую женщину, а мне теперь полагается сидеть у твоей матери и ждать, когда кто-нибудь приедет?

- Потому что я ещё могу за всё это отвечать, - сказал он и сжал лежавшую на столе ладонь. На скулах у него выступили знакомые бугры, которые я видела всякий раз, когда муж сердился и старался говорить сдержанно. - Я работаю, зарабатываю, собираюсь растить ребёнка. Кристине тридцать пять, ей нужна нормальная семья. Ты же понимаешь, что у нас с тобой давно уже всё по привычке.

Юля тихо произнесла моё имя, но я едва её услышала. Я вспомнила, как несколько недель назад сама придвинулась к Олегу в постели, положила руку ему на плечо, а он сказал, что устал и хочет спать. Утром я приготовила его любимый омлет и ни о чём не спросила, потому что боялась показаться навязчивой. Теперь он объяснял при дочери и матери, что наш брак давно существовал по привычке. Я опустилась на стул, поскольку ноги начали слабеть, и прижала салфетку ко рту.

- Наденька, ты сама мать, - заговорила Антонина Павловна. Она подвинула ко мне стакан с водой и осторожно коснулась моего предплечья. - Сейчас уже о ребёнке надо думать. Он ведь ни в чём не виноват, ему спокойно родиться нужно. Ты всегда у нас разумная была, не доводи себя до такого со-

стояния.

Я отняла руку, и свекровь замолчала. Вода дрожала в стакане, потому что я задела стол локтем, и мне пришлось смотреть на неё, чтобы хоть немного собраться. Меня всё время просили подумать о ком-нибудь ещё: о пожилой женщине, которой нужна помощь, о беременной Кристине, о будущем ребёнке, о дочери, которой тяжело видеть мои слёзы. Я пыталась найти на этих лицах сочувствие к себе и видела главным образом тревожное ожидание. Им хотелось, чтобы я наконец успокоилась и разговор можно было продолжить.

- Мам, там маленький будет, - сказала Юля, и голос у неё задрожал. Дочь снова потянулась ко мне, на этот раз коснувшись пальцев. - Я понимаю, что папа виноват, правда понимаю. Просто сейчас уже всё случилось, и нам надо как-то жить дальше. Ты ведь любишь детей, ты сама всегда говорила, что они за взрослых отвечать не должны.

Я медленно повернула голову к дочери. Её пальцы лежали на моих, тёплые, знакомые, с маленьким шрамом возле ногтя, оставшимся ещё со школьных лет. Я столько раз держала эту руку, вела её через дорогу, согревала зимой в своих ладонях, что привычка отозвалась даже сейчас. Но обнять Юлю я не смогла. Мне хотелось спросить, когда именно она успела пожалеть ту женщину и почему за всё это время не

нашла способа пожалеть меня.

Олег, кажется, решил, что я понемногу прихожу в себя. Он подвинул ко мне коробку с салфетками, откашлялся и заговорил мягче. По этому тону я узнала, что муж собирается сообщить ещё что-то, заранее рассчитывая на согласие. Я вытерла лицо и посмотрела на него, уже боясь каждого следующего слова. Олег указал на Юлю, словно дочь должна была подтвердить разумность приготовленного им предложения.

- Ты с Машей прекрасно справляешься, опыт у тебя огромный, - сказал он. Муж даже попытался улыбнуться, но я продолжала смотреть на него, и улыбка быстро исчезла. - Кристина надолго дома оставаться не собирается, работу терять ей нельзя. Первое время сама побудет с малышом, а потом ты сможешь помогать. Мама у нас уже ходит, целыми днями возле неё сидеть не требуется.

Я смотрела на его губы и чувствовала, как снова подступает тошнота. Перед глазами стояло платье на спинке стула, незакрытый чемодан, две пары туфель, между которыми я выбирала каких-то несколько часов назад. Теперь мне объясняли, как распределить время между свекровью и ребёнком женщины, ради которой муж решил избавиться от меня. Юля убрала руку, но продолжала сидеть рядом, опустив го-

лову. Никто за столом не сказал, что Олег перешёл всякую границу.

- Ты предлагаешь мне сидеть с её ребёнком? - спросила я, стараясь говорить достаточно отчётливо, чтобы он услышал каждое слово. Олег нахмурился, словно ему не понравилось местоимение, которое я выбрала. Я подалась к нему через стол, уже не заботясь о слезах на лице. - Ты уходишь к другой женщине, выселяешь меня к своей матери и хочешь, чтобы я потом приезжала сюда нянчить вашего малыша?

- Нашего ребёнка, Надя, - поправил он и положил ладонь рядом с моей, будто собирался удержать меня от нового всплеска. Я сразу отдёрнула руку, и на его лице мелькнуло недовольство. - Я уже сказал Кристине, что с этим трудностей не будет. Она очень переживает, как всё совместить, а я объяснил, что на тебя можно положиться. Ты ведь всегда любила помогать.

Он замолчал, ожидая ответа. Антонина Павловна поправила чашку возле локтя, Юля прижала сумку к животу и подняла на меня мокрые глаза. Я перевела взгляд с дочери на мужа и увидела, как он снова коротко кивнул, поощряя меня согласиться. Так Олег смотрел на меня вчера, когда сообщал, что с Машенькой вечером останусь я, и сегодня, когда отправлял за яблоками для матери.

Глава 2. Ты знала и молчала

Олег первым отодвинул стул. Он посмотрел на часы, поднял со стола телефон и несколько секунд что-то читал, пока я сидела перед ним с мокрым лицом и скомканной салфеткой в руке. Потом убрал телефон в карман и повернулся к матери. По тому, как быстро он начал собираться, я поняла, что свою часть разговора муж считает законченной. Мне оставалось принять сказанное, успокоиться и заняться тем, что он поручил.

- Мам, ты с Надей дойдёшь? - спросил он, забирая со спинки стула пиджак. Антонина Павловна подняла на него глаза, и Олег добавил уже тише, словно объяснял ей причину какой-то обычной задержки: - Мне сейчас надо ехать, меня ждут. Тут близко, вы потихоньку прогуляетесь. Надь, проводи маму, пожалуйста, она всё-таки переволновалась.

Я посмотрела на него, но он уже продевал руку в рукав. Мне хотелось встать поперёк двери, схватить за пиджак и заставить остаться хотя бы до тех пор, пока я смогу задать все вопросы, которые путались в голове. Ещё хотелось, чтобы он сам заметил, в каком я состоянии, отложил телефон, подошёл ко мне. Олег оправил воротник, проверил карман с ключами и спросил у матери, взяла ли она свою сумку. Я

сидела неподвижно, чувствуя, как влажная салфетка расползается под пальцами.

Юля поднялась вслед за ним. Она поцеловала бабушку в щёку, подошла ко мне и замялась, придерживая ремешок сумки на плече. Я смотрела на её руки и думала о том, что ещё вчера этими руками она обнимала меня на пороге, забирая Машеньку. Благодарила за помощь, рассказывала, как хорошо они провели вечер, обещала на днях забежать. Ей было известно всё, что я услышала сегодня, а она позволяла мне спокойно говорить о поездке и перебирать внучкины рисунки.

- Мам, я завтра приеду, - произнесла дочь, наклоняясь ко мне. Я невольно отстранилась, и Юля остановилась, так и не коснувшись губами моей щеки. - Мы поговорим, когда ты немного успокоишься. Сейчас ты всё равно меня не слышишь, а я не хочу ещё больше тебя расстраивать.

Я подняла голову, но ответить не успела: в прихожей Олег позвал дочь. Юля бросила на меня испуганный взгляд и вышла, торопливо поправляя волосы. Некоторое время до меня доносились их приглушённые голоса, потом щёлкнул замок. Я услышала, как двери лифта закрылись за ними, и продолжала смотреть в пустой коридор. Антонина Павловна осторожно подвинула к себе чашку и сказала, что от пере-

живаний у неё совсем пересохло во рту.

Я встала, налила ей воды и только потом заметила, что снова делаю всё как обычно. Убрала со стола хлеб, накрыла оставшийся суп, нашла свекровин плащ. Антонина Павловна попросила переложить ей немного еды на завтра, чтобы утром не пришлось готовить, и я достала контейнер. Руки действовали сами, пока я пыталась понять, почему никто из ушедших даже не спросил, смогу ли я сегодня остаться одна. В спальне по-прежнему лежал открытый чемодан, и, проходя мимо двери, я отвернулась от него.

На улице было ещё светло. Антонина Павловна шла медленно, держась за мой локоть, и время от времени просила немного подождать. Я несла сумку с контейнером, её покупки, которые она зачем-то забрала с собой от нас, и собственную сумочку, постоянно соскальзывавшую с плеча. Возле детской площадки свекровь остановилась перевести дыхание. Я стояла рядом и смотрела, как мужчина подхватывает маленькую девочку, съехавшую с горки, а та визжит и требует повторить. Антонина Павловна проследила за моим взглядом и тяжело вздохнула.

Дома она переобулась в тапочки и сразу прошла на кухню. Я разогрела суп, нарезала хлеб и достала из холодильника сметану. Свекровь села на своё привычное место возле окна

и предложила мне поесть вместе с ней, но от запаха еды у меня свело желудок. Я налила себе чаю и осталась стоять у столешницы, обхватив чашку ладонями. Мне всё ещё казалось, что сейчас она отложит ложку, посмотрит на меня и скажет хотя бы несколько простых слов о том, как жестоко поступил её сын.

- Ты на него сейчас особенно не дави, - заговорила Антонина Павловна, отламывая кусочек хлеба. Она произнесла это негромко, почти доверительно, и я поначалу даже не поняла, к чему она ведёт. - Олег у нас упрямый, сама знаешь. Если начнёшь скандалить, он назло ещё больше туда потянется. Тебе надо терпения набраться, Наденька, сгоряча ведь столько можно наговорить.

Я медленно поставила чашку на столешницу. Свекровь продолжала есть, изредка поглядывая на меня поверх тарелки, словно давала полезный совет, который я должна была хорошенько обдумать. Мне вспомнилось, как после операции она боялась оставаться ночью одна и я спала на раскладушке рядом с её кроватью. Олег тогда уверял, что мне проще отоспаться днём, а ему нужно ехать в мастерскую. Я соглашалась, хотя днём были продукты, уборка, внучка и десятки мелких дел, которые почему-то тоже проще было сделать мне.

- Он сказал, что я свою жизнь прожила, - произнесла я, глядя на её руки. Ложка замерла возле тарелки, и Антонина Павловна наконец подняла голову. - Вы слышали, что он сказал? При Юле, при вас. А потом объяснил, что я должна сидеть с ребёнком его любовницы. Мне сейчас за что именно терпения набираться?

- Надя, мужчины иногда сами не понимают, что говорят, - ответила она, осторожно положив ложку. По её лицу было видно, что мой тон ей неприятен, но она старалась сохранить мягкость. - Сейчас ему всё там кажется новым, хорошим. А начнутся пелёнки, бессонные ночи, капризы, вот тогда он и вспомнит, как ты о нём заботилась. Ты главное оставайся рядом, по-человечески с ним обращайся. Он ещё оценит.

Я потянула за край кухонного полотенца, висевшего на ручке духовки. Мне хотелось чем-нибудь занять руки, потому что иначе я могла начать стучать ими по столу. Свекровь рассуждала о возвращении Олега с таким спокойствием, словно речь шла о задержавшемся рейсе, который нужно просто дождаться. Я попыталась представить, как буду встречать мужа после того, как другая женщина ему надоест, готовить ужин и радоваться, что он наконец вспомнил о моей заботе. От этой мысли стало так тяжело, что я отвернулась к окну.

- А если я не хочу ждать? - спросила я, всё ещё теребя полотенце. Антонина Павловна поджала губы, и я услышала, как она отодвинула тарелку. - Я сейчас даже не знаю, как завтра проснуться и что делать. Мне больно, понимаете? Он столько лет со мной жил, а сегодня просто распределил, кому моя комната достанется и за кем я буду ухаживать.

- Наденька, ну зачем ты опять себя заводишь, - сказала она и с усилием поднялась со стула. Я машинально шагнула к ней, но свекровь уже выпрямилась и взялась за спинку. - Мне тоже этот разговор легко не дался. Посиди сегодня со мной, пожалуйста, а то сердце как-то неспокойно. Одной оставаться совсем не хочется, вдруг ночью плохо станет.

Я посмотрела на неё и поняла, что уйти сейчас всё равно не смогу. В мыслях сразу возникли ночной звонок, Олегово раздражение, собственная вина, если свекровь действительно почувствует себя хуже. Я спросила, приняла ли она вечерние лекарства, принесла из спальни очки и помогла найти нужную упаковку. Потом убрала со стола и расстелила себе диван в маленькой комнате. Антонина Павловна успокоилась заметно быстрее меня, включила телевизор и через некоторое время позвала посмотреть знакомого певца.

Я легла поверх простыни, подложив под голову слишком высокую подушку. В комнате пахло сухим деревом, старой

бумагой и шерстяными вещами, которые свекровь хранила в шкафу. На письменном столе стояла школьная фотография Олега: худой мальчик с серьёзным лицом, ещё совсем не похожий на мужчину, за которого я вышла замуж. Я смотрела на неё и вспоминала собственный открытый чемодан, оставшийся дома. У меня с собой не было даже сменной одежды, но именно здесь муж собирался устроить мою дальнейшую жизнь.

Ночью я несколько раз брала телефон. Проверяла, не написал ли Олег, не спросил ли хотя бы через дочь, как я себя чувствую. В переписке с Тамарой оставались сообщения о погоде, туфлях и маленьком термосе, который она собиралась взять в дорогу. Я открыла одно из них, начала набирать ответ и стёрла. Рассказать случившееся означало ещё раз произнести, что муж ушёл к другой женщине, а я после этого приготовила ужин его матери и легла спать в предназначенной мне комнате.

Под утро удалось ненадолго задремать. Проснулась я от звука чайника и сначала не поняла, где нахожусь, а потом увидела письменный стол и вспомнила всё сразу. Антонина Павловна уже ходила по кухне, переставляла чашки и разговаривала с кем-то по телефону. Услышав моё имя, я села на диване. Свекровь говорила, что ночь прошла спокойно и что я осталась у неё, а затем добавила: «Приезжай, она скоро

встанет».

Юля появилась через полчаса с пакетом йогуртов и творожных сырков. Она поцеловала бабушку, заглянула ко мне в комнату и остановилась на пороге, увидев, что я уже одета. Я сидела на краю дивана и застёгивала часы, которые вчера сняла перед сном. Дочь спросила, как я себя чувствую, и от этого обычного вопроса мне захотелось рассмеяться ей в лицо. Вместо ответа я встала и прошла на кухню, где можно было сесть напротив друг друга.

- С какого времени ты знаешь? - спросила я, когда Юля устроилась за столом. Она положила перед собой телефон, потом убрала его в сумку и посмотрела в сторону комнаты, куда ушла бабушка. - Вчера ты мне так и не ответила. Сейчас ответь, пожалуйста. Когда отец сказал тебе про Кристину?

- В феврале, - тихо произнесла дочь. Она опустила глаза и начала разглаживать складку на рукаве, а я некоторое время просто смотрела на неё. - Мам, я тогда сама испугалась. Папа сказал, что расскажет тебе, только ему нужно выбрать момент. Я всё время ждала, что он сам с тобой поговорит.

С февраля прошло больше трёх месяцев. За это время Юля много раз бывала у нас, привозила Машеньку, советовалась со мной о покупках, звонила пожаловаться на работу.

Мы вместе выбирали мне платье по фотографиям из магазина, обсуждали, какие вещи лучше взять в поездку, и дочь уверяла, что я обязательно должна отдохнуть. Она знала, что отец собирается уйти, и слушала, как я рассказываю о планах на лето. Я пыталась вспомнить хотя бы один момент, когда она могла решиться сказать правду, и таких моментов оказалось слишком много.

- Ты видела её? - спросила я, чувствуя, как под столом напрягаются ноги. Юля подняла голову, но по её лицу ответ был понятен ещё до слов. - Вы встречались, да? Он вас познакомил? Только не начинай сейчас объяснять, что мне будет тяжело это слушать. Я уже сижу здесь и слушаю.

- Один раз в кафе, - ответила дочь. Она сглотнула и придвинула к себе стакан с водой, но пить не стала. - Папа позвал пообедать, сказал, что хочет поговорить. Когда я пришла, она уже сидела с ним. Я не знала, что так получится, честно. Мне самой было очень неловко.

Я вспомнила тот день постепенно, по отдельным мелочам. Юля просила посидеть с Машей подольше, объясняла, что после работы собирается встретиться с коллегами. Внучка упрямо отказывалась есть рыбу, мы пекли с ней сырники, а потом долго отмывали муку со стола. Дочь вернулась довольная, принесла коробку пирожных и сказала, что давно

так приятно не проводила время. Тогда я обрадовалась за неё, потому что в последнее время Юля часто жаловалась на усталость.

- Это когда ты к коллегам собиралась? - спросила я, и дочь вздрогнула. Она быстро посмотрела на меня, потом опять опустила голову. - Ты ещё пирожные принесла. Маша уже спала, я тебе сказала, что надо чаще выбираться куда-нибудь. Ты тогда с ней сидела, с Кристиной?

Юля кивнула, и я отодвинула от себя чашку. Мне стало тесно за маленьким кухонным столом, захотелось встать и пройтись, но я боялась, что дочь воспользуется этим, чтобы закончить разговор. Она начала рассказывать, что отец выглядел счастливым, что Кристина почти всё время молчала, что сама Юля растерялась и не знала, как себя вести. Я слушала и думала о том, что неловкость прошла достаточно быстро, чтобы остаться обедать. Потом дочь вернулась ко мне с пирожными и спокойно позволила себя обнять.

- Он говорил, что между вами давно всё плохо, - продолжила Юля, осторожно подбирая слова. Она потянулась к моему запястью, но я убрала руку под стол, и дочь замолчала на несколько секунд. - Что вы почти не разговариваете, живёте каждый сам по себе. Я видела, как он в последнее время раздражается, думала, может, ты тоже всё понимаешь. Мне

казалось, вы просто мне не рассказываете.

Я посмотрела на неё и вдруг вспомнила другую историю. В марте Олег уезжал на два дня якобы по делам мастерской. Вечером он долго не отвечал, я волновалась и позвонила Юле, чтобы спросить, не связывался ли он с ней. Дочь тогда успокоила меня, сказала, что недавно разговаривала с отцом, что он добрался и был занят с людьми, ради которых поехал. Я легла спать, перестав каждые пять минут проверять телефон.

- Командировка тоже была выдуманная? - спросила я, уже понимая ответ. Юля закрыла глаза и потёрла переносицу, а у меня от её движения неприятно свело живот. - Ты мне сама сказала, что он доехал. Я тебя ещё благодарила, помнишь? Сказала, что от сердца отлегло, раз ты с ним поговорила.

- Папа написал, чтобы я тебя успокоила, - призналась она. Дочь заговорила быстрее, словно надеялась успеть объяснить всё прежде, чем я перебью. - Он сказал, что вернётся и обязательно с тобой поговорит. Просил не делать хуже, не рассказывать по телефону. Мам, я правда думала, что это ненадолго, что он сам всё решит.

Я встала так резко, что чашка звякнула о блюдце. Подошла к окну, положила ладонь на подоконник и несколько раз

глубоко вдохнула, пытаясь удержать слёзы. Мне вспомнился контейнер с едой, который я собирала Олегу в ту поездку, его просьба найти тёмный свитер, торопливый поцелуй перед уходом. Пока я беспокоилась, не случилось ли с ним чего-нибудь в дороге, дочь помогала ему оставаться недоступным. Юля знала, за кого я переживаю, и всё равно произнесла нужные ему слова.

- Ты ведь могла просто промолчать, - сказала я, повернувшись к ней. Голос дрожал, но теперь мне было всё равно, слышит ли нас свекровь. - Могла сказать, что сама ничего не знаешь, пусть он мне звонит. Но ты решила помочь ему обмануть меня. Юля, я тебе звонила, потому что доверяла. Ты моя дочь, к кому мне ещё было обращаться?

- А что бы изменилось, если бы я рассказала? - спросила она, и в её голосе впервые прозвучало раздражение. Дочь сразу испугалась собственного тона, однако продолжила, сжимая руки на коленях. - Ты бы плакала, они бы всё равно встречались. Папа сказал бы, что я вмешалась и всё испортила. Мне что, надо было вас окончательно поссорить?

Я смотрела на неё и чувствовала, как злость постепенно вытесняет желание немедленно простить. Юля рассуждала о моих будущих слезах, будто именно они были главным несчастьем, которого ей удалось избежать. Я подошла к сто-

лу, опёрлась на спинку стула и спросила, почему она так боялась отцовского недовольства. Дочь отвела взгляд и замолчала. Это молчание длилось достаточно долго, чтобы я поняла: есть ещё что-то, о чём она пока не сказала.

- Он нам помогает, мам, - наконец произнесла Юля. Она взяла бумажную салфетку, сложила пополам и начала мять уголок. - Ты же знаешь, у нас каждый месяц платёж. Папа переводит часть, и нам намного легче. Я боялась, что он обидится, перестанет давать деньги. Он ведь может решить, что я против него.

Я медленно села. Дочь торопливо объяснила, что отец не ставил никаких условий, не предлагал платить за молчание, что она сама испугалась возможной ссоры. Я слушала и пыталась совместить эти слова с тем, как Юля вчера просила меня подумать о будущем ребёнке. Выходило, что у отца она боялась потерять деньги, а у матери могла потерять доверие. На последнее она решилась значительно легче.

- Вы без его перевода не сможете заплатить за квартиру? - спросила я. Юля замялась, и я заставила себя дождаться ответа. - Я хочу понять, о чём ты сейчас говоришь. Вас оставили бы без жилья или пришлось бы меньше тратить? Это важно, Юля, ответь прямо.

- Сможем, наверное, - сказала она после паузы. По щекам у дочери потекли слёзы, и она сердито вытерла их той самой измятой салфеткой. - Но тогда никаких поездок, никаких нормальных покупок. Мы кухню хотели доделать, ты сама знаешь, сколько там ещё нужно. Мы оба работаем, нам тоже хочется иногда пожить спокойно, а не считать каждую копейку.

Я опустила голову и посмотрела на свои руки. Вчера Олег объяснял, что я уже получила от жизни всё положенное, сегодня дочь рассказывала, почему ей нужно было сохранить возможность отдыхать и обустраивать квартиру. Я понимала желание Юли, потому что сама всегда старалась сделать её жизнь удобнее. Покупала Машеньке вещи, привозила готовую еду, освобождала дочери вечера. Сейчас каждое такое воспоминание причиняло боль, и мне было противно от того, что я начала мысленно пересчитывать собственную заботу.

- Вы мне всё это время улыбались, - произнесла я, поднимая глаза. Юля попыталась что-то сказать, но я впервые остановила её жестом. - Ты приходила, ела мой ужин, оставляла Машу и знала, куда потом уйдёт твой отец. А я спрашивала, как у тебя дела, и радовалась, если ты была довольна. Ты меня предала, Юля. Мне сейчас даже смотреть на тебя тяжело.

Дочь заплакала сильнее и встала, собираясь подойти ко мне. Обычно в такие минуты я сама тянулась к ней, обнимала, гладила по волосам, говорила, что всё обязательно устроится. Эта привычка отозвалась и сейчас, но следом я вспомнила кафе, пирожные и спокойный голос в телефонной трубке. Я отодвинула стул и попросила её остаться на месте. Юля замерла, прижимая мокрую салфетку к губам.

- Я тебя люблю, мам, - сказала она сквозь слёзы. Дочь стояла возле стола, беспомощно опустив плечи, и от этого мне самой хотелось разрыдаться ещё сильнее. - Я не хотела, чтобы тебе было больно. Я всё время надеялась, что он одумается, что ты вообще не узнаешь. Ты же не можешь теперь совсем со мной не разговаривать.

В дверях появилась Антонина Павловна. Она посмотрела на заплаканную внучку, потом на меня и тихо попросила перестать мучить друг друга. Я почувствовала, что ещё немного — и снова начну оправдываться за собственный голос, за обвинения, за Юлины слёзы. Мне стало страшно от мысли, что я сейчас обниму дочь только для того, чтобы прекратить этот тяжёлый разговор. Тогда она уйдёт с облегчением, а я останусь сидеть на той же кухне, не понимая, что делать с узнанным.

- Уезжай, Юля, - сказала я, с трудом удерживая голос ровным. Дочь покачала головой, но я повторила просьбу и отошла к окну. - Мне сейчас нужно побыть без тебя. Я не могу тебя успокаивать, у меня самой сил нет. Пожалуйста, оденься и иди домой.

Я слышала, как Антонина Павловна прошла за внучкой в прихожую, как шептала ей что-то, как Юля искала в сумке ключи. Дочь ещё раз позвала меня, но я не обернулась. Когда входная дверь закрылась, я прижала ладонь ко рту и долго стояла так, пока свекровь не вернулась на кухню. Она сказала, что Юля очень расстроена, потом остановилась, увидев моё лицо, и больше ничего не добавила.

День прошёл среди мелких домашних дел, за которые я хваталась, чтобы занять руки. Я вымыла посуду, протёрла стол, разогрела свекрови обед и сама почти ничего не съела. Антонина Павловна несколько раз пыталась заговорить об Олеге, но я просила оставить эту тему. Потом она ушла отдыхать, а я осталась в маленькой комнате возле письменного стола. На телефоне были два пропущенных звонка Тамары и сообщение о том, когда нам удобнее встретиться перед поездкой.

К вечеру я всё чаще возвращалась мыслями к мужу. Мне хотелось задать ему один вопрос, и я стыдилась его настоль-

ко, что несколько раз откладывала телефон, так и не набрав номер. После разговора с дочерью я чувствовала себя ещё более ненужной, чем накануне. Хотелось услышать от Олега хоть что-нибудь, что позволило бы перестать рассматривать себя как женщину, которую всем оказалось удобно заменить. Я понимала, насколько опасно сейчас обращаться к нему за утешением, и всё равно нажала на его имя.

Он ответил не сразу. В трубке послышался стук посуды, какой-то приглушённый голос, затем стало тише. Олег спросил, всё ли нормально у матери, и я машинально ответила, что с ней всё хорошо. После этого между нами повисла пауза. Муж ждал, зачем я позвонила, а я сидела на краю дивана и смотрела на свою ладонь, лежавшую на колене.

- Скажи мне, когда это случилось, - попросила я. Голос сразу стал тихим и жалким, совсем не таким, каким я разговаривала утром с дочерью. - Я не про Кристину сейчас. Когда я тебе настолько опротивела? Что со мной стало, Олег, что ты решил, будто можешь просто убрать меня из дома?

- Надя, ну зачем ты так ставишь вопрос, - ответил он с усталым раздражением. Я слышала, как он выдохнул, и невольно представила знакомое движение: ладонь по лицу, взгляд в сторону, желание поскорее закончить неприятный разговор. - Никто не говорит, что ты противная. Ты хорошая

мать, о маме моей заботилась, я это помню. Просто всё меняется, мы столько лет вместе прожили.

Я закрыла глаза. Мне хотелось, чтобы он сказал, что всё ещё видит во мне женщину, что случившееся связано с его поступком, а не с каким-то окончательным изъяном во мне. Вместо этого Олег начал перечислять мои полезные качества. Я слушала, как он благодарит за помощь, и чувствовала, что ещё немного — сама начну соглашаться, лишь бы он продолжал говорить со мной мягко. От этой готовности стало стыдно, но остановить разговор я пока не могла.

- Ты же сама посмотри, как мы жили последнее время, - продолжил муж. Он говорил всё увереннее, словно наконец нашёл объяснение, которое считал справедливым. - Ты вечно уставшая, всё у тебя какие-то заботы, пакеты, лекарства. Прихожу домой, а ты то с Машей сидишь, то к маме собираешься, то уже засыпаешь на ходу. Мы даже поговорить нормально перестали.

- Это твоей матери я лекарства покупала, - ответила я, сжимая телефон. По щеке потекла слеза, и я вытерла её рукавом, сердясь на себя за то, что снова плачу. - И Машу вчера ты обещал забрать. Я же просила тебя помочь, Олег. Я говорила, что хочу вернуться на работу, что мне тяжело всё время бегать между домами. Ты отвечал, что сейчас так всем

удобнее.

- И что, я тебя заставлял совсем перестать за собой следить? - спросил он, и мне показалось, что воздух в комнате стал горячим. Муж помолчал, затем заговорил тише, как будто старался придать словам деликатность. - Надь, тебе пятьдесят четыре года, ты прекрасно понимаешь, что всё требует больше внимания. Ты очень изменилась. Я тоже живой человек, мне хочется рядом видеть женщину, которой самой интересно жить.

Я посмотрела в маленькое зеркало, стоявшее на столе между фотографией и коробкой с нитками. В нём отражалась только половина моего лица, припухший глаз и прядь волос, выбившаяся возле виска. Я вспомнила платье, пояс, серьги, которые так и не успела надеть. Накануне я стояла перед мужем, надеясь, что ему понравлюсь, а он попросил купить матери мягких яблок. Мне захотелось напомнить ему об этом, но я уже знала, что любое объяснение он сумеет повернуть так, чтобы я снова оказалась виноватой.

- Я тебе вчера платье показывала, - всё-таки сказала я. Слова давались трудно, и мне пришлось вытереть лицо ладонью, чтобы договорить. - Ты даже не посмотрел толком. А теперь объясняешь, что я тебе недостаточно интересна. Я на десять дней хотела уехать, просто отдохнуть, и ты сразу

нашёл, почему мне опять нельзя.

Олег помолчал, а потом сказал, что у него нет сил заново обсуждать всё по кругу. В его голосе уже не осталось прежней мягкости. Он спросил, собираюсь ли я завтра зайти за вещами, и напомнил, что у матери нужно освободить шкаф. Я слушала, как разговор о моей внешности и нашей близости превращается в обсуждение перевозки одежды, и вдруг поняла, что больше не выдержу ни одного его совета.

- Там твои зимние вещи висят, мама их в большую комнату уберёт, - добавил муж. Он говорил спокойно, будто уже получил моё согласие и теперь уточнял подробности. - Всё сразу тащить не надо, начни с самого необходимого. И давай без новых сцен, Надя. Мы же взрослые люди, можно это пережить нормально.

Я нажала на экран, прервав звонок, и положила телефон рядом с собой. Несколько секунд сидела неподвижно, потом закрыла лицо руками. Мне было стыдно за собственный вопрос, за то, как терпеливо я выслушивала его рассуждения, за надежду услышать от него хоть что-нибудь хорошее. Я сама позвонила человеку, который вчера объявил мою жизнь законченной, и попросила объяснить, что со мной не так. От этого стыда хотелось спрятаться ещё глубже в чужой комнате.

Телефон снова зазвонил, когда я уже перестала пытаться вытирать слёзы. На экране было имя Тамары. Я некоторое время смотрела на него, потом ответила, надеясь сказать только, что перезвоню позже. Подруга начала спрашивать про поездку и почти сразу замолчала. Видимо, по тому, как я дышала, стало понятно, что никакого обычного разговора не получится.

- Надя, где ты сейчас? - спросила она. Я попыталась ответить, но голос сорвался, и Тамара заговорила твёрже. - Послушай меня, скажи только адрес. Ты дома или у Антонины Павловны? Я приеду, мы на месте поговорим.

Когда она вошла в квартиру, я стояла в прихожей и никак не могла попасть пуговицей в петлю на манжете. Тамара сняла ветровку, повесила сумку на крючок и просто обняла меня. Я вцепилась в ткань у неё на спине и наконец заплакала так, как не позволяла себе ни при Олеге, ни при дочери. Подруга держала меня, гладила по голове и ничего не требовала объяснять. Из кухни выглянула Антонина Павловна, начала было говорить о тяжёлом разговоре, но Тамара попросила дать нам немного побыть вдвоём.

Мы сели в маленькой комнате. Я рассказывала неровно, перескакивала с Олега на Юлю, возвращалась к мешавшим

дышать словам про прожитую жизнь, пыталась объяснить, почему вообще позвонила мужу. Тамара слушала, иногда переспрашивала, чтобы понять последовательность, и всё сильнее сжимала губы. Когда я дошла до обещанной Кристине помощи с ребёнком, она встала, прошлась до окна и некоторое время стояла спиной ко мне. Потом вернулась, села рядом и взяла мои холодные руки в свои.

- Ты сейчас со мной поедешь, - сказала подруга. Она говорила негромко, чтобы нас не слышали из соседней комнаты, но в её голосе появилась злость, которой я почти никогда раньше не замечала. - У меня диван готов, бельё достану. Поешь, выспишься хотя бы немного, а завтра решишь, что делать дальше. Здесь ты опять всю ночь будешь слушать, как тебе надо пожалеть Олега.

Я посмотрела на дверь. В кухне звякнула чашка, включилась вода, и мне сразу захотелось проверить, не нужна ли свекрови помощь. Тамара заметила это движение и сжала мою руку сильнее. Я рассказала, что утром собираюсь домой, хочу застать мужа и ещё раз поговорить с ним без дочери и матери. Подруга долго смотрела на меня, потом спросила, чего именно я жду от этого разговора.

Ответить сразу я не смогла. После телефонного унижения желание увидеть Олега казалось глупым, но оно никуда не

исчезло. Мне хотелось стоять с ним в нашей квартире, смотреть ему в глаза и услышать хотя бы признание того, что он поступил жестоко. Я всё ещё помнила другого мужа: растерянного, уставшего, способного извиниться после ссоры, подойти ко мне на кухне и положить подбородок на плечо. Отказаться от мысли, что этот человек где-то ещё существует, за один день у меня не получилось.

Тамара не стала спорить. Она достала телефон, посмотрела на время и напомнила, что до поездки осталось совсем немного, а решение всё равно придётся принять. Я открыла нашу переписку, нашла билеты и несколько секунд смотрела на собственную фамилию. Мы могли уехать, и подруга прямо сказала, что ей вовсе не нужно, чтобы я изображала веселье. Но я представляла, как буду сидеть в гостинице с телефоном в руках, ждать звонка из дома и мысленно возвращаться к недоговорённому, пока Тамара пытается вывести меня на прогулку.

- Я сейчас не смогу, - призналась я, протягивая ей телефон. Мне пришлось сглотнуть, потому что от одной этой фразы снова защипало глаза. - Я сама так хотела, ты же знаешь. Но сейчас у меня в голове только они, я даже спать не могу. Давай отменим, пока ещё можно хоть что-то вернуть.

Мы вместе открыли билеты, проверили условия и офор-

мили возврат. Часть денег должна была вернуться позже, кое-что терялось, и я несколько раз начинала извиняться перед подругой. Тамара останавливала меня, просила проверить даты и уточняла, на чьё имя оформлена гостиница. Потом мы сняли бронь комнаты, которую так долго выбирали по фотографиям. Когда пришло подтверждение, я положила телефон экраном вниз и некоторое время не могла заставить себя посмотреть на Тамару.

Подруга снова предложила уехать к ней. Я поблагодарила и попросила дать мне до утра: хотелось собрать мысли и сначала побывать дома. Тамара записала, во сколько я собираюсь идти, велела позвонить ей после разговора и оставила на столе купленную по дороге еду. Перед уходом она обняла меня ещё раз, крепко, без торопливого похлопывания по спине. Я провожала её до двери и впервые за последние сутки почувствовала, что рядом со мной кто-то стоит по собственной воле.

Антонина Павловна спросила, сдали ли мы билеты. Услышав ответ, она заметно расслабилась и сказала, что сейчас так, наверное, будет лучше для всех. Я ничего не ответила, вернулась в маленькую комнату и закрыла дверь. В сумке лежали ключи от нашей квартиры, и я достала их, проверяя, на месте ли привычный большой ключ. Потом положила связку во внешний карман, чтобы утром не искать. Я собиралась

вернуться домой и всё ещё надеялась, что Олег хотя бы наедине со мной сможет посмотреть на происходящее иначе.

Глава 3. Мои вещи в мешках

Утром я проснулась раньше будильника и некоторо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.